

Понятие «отсутствие» в стратумной организации языковой системы (на материале русского языка)

The Notion of 'Absence' in Language System Stratum Organization (Russian Case Study)

Ольга Вячеславовна Радчук

(Харьков, Украина)

Абстракт:

Система языка, основанная на взаимозависимости элементов и описанных с помощью оппозиций по наличию или отсутствию признаку, реализует понятие «отсутствие» на всех стратумах. Начиная с фонологических оппозиций, обоснованных пражскими структуралистами, лингвистами рассмотрены парадигмы языковых единиц основных и промежуточных уровней языковой системы. Своеобразие, национальная специфика каждого языка проявляется в неполных или так называемых «дефектных» парадигмах, в которых отсутствует коррелирующий языковой элемент структуры. Проблема отсутствия языкового компонента представлена в языкознании только в функциональном аспекте, в отношении к языковой норме. Понятие «отсутствие» на разных уровнях языковой системы не представлено в когнитивном плане и нуждается в объяснении причин «пустых» клеток в структуре языка.

Ключевые слова:

структуральный метод; оппозиции в парадигмах; стратумность языковой системы языка; когнитивная лингвистика; понятие «отсутствие»

Abstract:

Any language system, based on its elements interdependence and described through oppositions of some attribute availability or absence, realizes the notion of 'absence' at all

its strata. Starting from phonological oppositions developed by Prague structuralists, linguists have considered paradigms of language units belonging to the main and intermediate levels of the language system. National specificity of each language is revealed in incomplete or the so called 'defective' paradigms in which a certain language structure element is absent. The problem of a certain language element is viewed in linguistics just in functional aspect, in reference to the language norm. The notion of 'absence' on the different levels of language system is not examined in cognitive aspect and needs explaining the reasons of 'empty' cells in the language structure.

Key words:

structural method; oppositions in paradigms; strata of language system; cognitive linguistics; the notion of 'absence'

Появившиеся в последнее время работы о новых когнитивных подходах в изучении языка как феномена, исследовании языка в его когнитивной функции и дискурсивном проявлении¹ открывают новые аспекты в исследовании языковой системы, в частности асистемных явлений, существование которых связано с понятиями *бинарных оппозиций, маркированности vs немаркированности, отсутствия vs наличия*. Понятие системы языка, основанное на взаимозависимости ее элементов, насквозь пронизано указанными понятиями, поскольку они являются характерным проявлением отличия одного языкового элемента от другого. Выделение и описание языковых единиц на основании признаков *бинарных оппозиций, маркированности vs немаркированности, отсутствия vs наличия* реализовано на всех уровнях языковой системы.

Целью статьи является рассмотрение понятия «отсутствие» в языковой системе и степень его изученности в лингвистике с выявлением ниш, требующих дальнейшего исследования. **Предметом** изучения являются языковые единицы, относящиеся к разным ярусам языковой системы, особенности их структуральной организации в единой парадигме. **Актуальность** исследования обусловлена тем, что данная проблема была представлена только в функциональном аспекте, что не позволило дать ответы на вопросы: почему данное понятие имеет место в системе языка, почему существуют аномалии

1 GLEBKIN, V.: *Smena paradigm v lingvističeskoj semantike: ot izoljacionizma k sociokul'turnym modeljam*. Moskva–Sankt-Peterburg: Centr gumanitarnych iniciativ, 2014; KARASIK, V.: *Jazykovaja matrica kul'tury*. Moskva: Gnozis, 2013; KIBRIK, A.: *Kognitivnyj podchod k jazyku*. In: *Jazyk i mysl': Sovremennaja kognitivnaja lingvistika*. Moskva, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015, s. 29–59.

в языке и языковая система асимметрична. Использование традиционных лингвистических *методов анализа* (описательного, структурно-семантического), а также объединение психологического и исторического векторов исследования языковых явлений с социокультурным расширяет возможности объективного изучения задекларированной проблемы.

Общеизвестно, что введение понятия системы в языковедении связывают с именем Ф. де Соссюра, что его научная концепция положила начало изучению структуры языка, взаимозависимости языковых элементов разных ярусов. В последствии стратумное представление языковой системы неоднократно подвергалось критике², однако последовательность изучения данной проблемы была связана с ярусной характеристикой языковых единиц. Структуральный метод позволил выделить из ряда однородных элементов единицу языка на основе оппозиций, и благодаря такому противопоставлению описать ее и выявить ее особенности. *Отсутствие* или *наличие* каких-либо признаков относило языковую единицу к определенному классу явлений.

Во всех структуральных студиях первой половины XX века активно развивалась теоретическая фонетика и фонология. Именно фонологические оппозиции, в которых признак *отсутствия* или *наличия* играл важную роль в описании свойств языковой единицы, имели большую значимость в исследованиях Р. Якобсона и Н. Трубецкого³. В концепциях лингвистов-структуралистов указанные признаки являются структурообразующими звеньями языковой системы. Несмотря на то, что структуралисты выделили, описали языковые элементы с помощью оппозиций *отсутствия* или *наличия* признака, они не объяснили причину отсутствий в том или ином языке.

Изучение *отсутствия* различения фонем в слабых позициях представляет интерес не только в структурном и функциональном, но и в когнитивном аспекте. Общеизвестный факт, что в русском языке фонетическое звучание не передается на письме, поскольку основным принципом орфографии является морфематический, хотя в его применении существуют разногласия между фонологическими школами. Учитывая фонетико-морфологические особенности русского языка, например, фонологическое оформление слова *пиленгас* растянулось на несколько десятилетий и закрепилось в лексикографических

-
- 2 KARAULOV, Ju.: *Lingvističeskoje konstruïrovanije i tezaurs literaturnogo jazyka*. Moskva: Nauka, 1981; RUDJAKOV, A.: *Funkcional'naja lingvistika. Georusistika. Lingvodidaktika: sbornik naučnych rabot, posvjaščennyj jubileju A. N. Rudjakova*. Moskva, Azbukovnik, 2015.
  - 3 KIBRIK, A.: *Kognitivnyj podchod k jazyku*. In: *Jazyk i mysl': Sovremennaja kognitivnaja lingvistika*. Moskva, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015, s. 29–59.

источниках только после 2000 года⁴. В безударных позициях звуковой облик гласных *и* и *е* практически совпадал. Сигнификативно слабая позиция, позиция неразличения, нейтрализации фонем не влияла на смысл слова, поэтому встречались и различные написания: *пеленгас*⁵, *пелингас*⁶. И только к концу XX века, когда успешно завершилась акклиматизация пиленгаса в Азовском море, был окончательно выведен *пиленгас* как 'вид морской рыбы из семейства кефалевых' и произошло органическое соединение звучания и значения слова, закрепленное написанием. Современные исследования семантики с когнитивной точки зрения оказываются тесно связанными с изучением фонетико-фонологических вопросов, источником которых являются структуральные фонологические школы.

Фонологические исследования пражских лингвистов подтолкнули ученых к изучению проблемы использования языком фонем для образования морфем как единиц следующего стратума языковой системы. Морфонология явилась промежуточным звеном между фонетико-фонологическим и морфемно-морфологическим ярусами языковой системы.

Общеизвестно, что основной морфемой в слове является корневая морфема, хотя и здесь в русском языке встречается исключение: например, в слове *вынуть*, как считают некоторые лингвисты, наблюдается отсутствие корневой морфемы. Все морфемы, кроме корня относятся к аффиксальным, и их особенность состоит в том, что они не только играют важную роль в словообразовании и словоизменении, но и являются показателями принадлежности слова к определенной части речи, а также являются формантами грамматических категорий. Именно отсутствие параллельных аффиксов создает формирование так называемых «дефектных» парадигм, среди которых наиболее изученными в русском языке являются субстантивная и глагольная неполные парадигмы⁷.

В падежной парадигме имени существительного в русском языке, например, нет формы родительного падежа во множественном числе у слова *мечта*. Наблюдается асимметрия и в противопоставлении по родам. Если в слу-

4 BOGUCKAJA, N., NASEKA, A.: *Katalog besčeljustnych i ryb presnych i solonovatyh vod Rossii s nomenklaturnymi i taksonomičeskim komentarijami*. Moskva: Tovariščestvo naučnyh izdanij KMK, 2004, s. 172–173.

5 LINBERG, G.: *Slovar' nazvanij morskich promyslovyh ryb mirovoj fauny*. Leningrad: Nauka, 1980, s. 138.

6 REŠETNIKOV, Ju., KOTLJAR, A., RASS, T., ŠATUNOVSKIJ, M.: *Pjatijazyčnyj slovar' nazvanij životnyh. Ryby*. Moskva: Russkij jazyk, 1989.

7 GURIN, G.: *Glagoly s nepolnoj ličnoj paradigмой v sovremennom russkom literaturnom jazyke: na materiale slovarj*: Diss. kand. filol. nauk. Petrozavodsk, 2000; DEŠEULINA, L.: *Defektnyje paradigmy sklonenija suščestvitel'nyh v sovremennom russkom jazyke*: Diss. kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2009.

чаях *летчик* — *летчица*, *учитель* — *учительница* создается грамматическая оппозиция, то параллельные формы у слов *дворник*, *министр*, *врач* отсутствуют. Продуктивные словообразовательные модели имеют потенциальные возможности образования соответствующих пар, однако эти возможности остаются нереализованными в русском языке. Достаточно часто такие пустоты в языковой системе заполняются ненормированными (возможно диалектными, просторечными образованиями) или детскими инновациями, которые четко следуют языковым моделям.

Нормативное отсутствие родового противопоставления субстантивов зафиксировано в лингвистических лексикографических источниках, однако не дано объяснение таким асистемным фактам. Исследование редко употребляемых лексем представляет особый интерес для когнитивной лингвистики, которая, опираясь на исторические и культурологические факты, способна раскрыть «секреты» некоторых «дефектных» парадигм.

Например, слово *олимпионик* — победитель в Олимпийских играх, что буквально означает 'победитель на олимпиаде' — употребляется только в мужском роде, форма женского рода отсутствует. Это является специфической чертой русского языка, поскольку в других славянских языках представлены бинарные родовые оппозиции указанного субстантива, например: чешск. *olympionik* vs. *olympionička*. Начиная с 2000 годов в словарях наряду с лексемой *олимпионик* в русском языке стало употребляться слово *олимпиец*, которое в значении 'спортсмен, участник Олимпийских игр' фиксировалось с пометой разговорное⁸. Изначально *олимпийцами* (*олимпиец* vs *олимпийка*) называли обитателей Олимпа, богов или в переносном значении верхушку какого-нибудь общества, людей избранного круга. Адъективы с корневой морфемой *олимп-*, но разными суффиксами, *олимпиадный* и *олимпийский* имеют и различное лексикографическое рассмотрение. Слово *олимпиадный* указывается не во всех словарях. В «Современном русском орфографическом словаре» 2006 года данное слово приводится только в мужском роде⁹, хотя в дискурсе встречается, например, в выражениях *олимпиадное задание* (средний род), *олимпиадная работа* (женский род). Парадигма лексемы *олимпийский* представлена тремя родами, включая согласования с существительными трех родов: *олимпийский девиз*, *олимпийское спокойствие*, *олимпийская эмблема*. Слово *олимпийский* является более распространенным и включенным в большое количество современных

8 OŽEGOV, S.: *Slovar' russkogo jazyka*. Pod red. čl.-korr. AN SSSR N. Ju. Švedovoj. 19-je izd., ispr. Moskva. Russkij jazyk 1987.

9 PALATOVSKAJA, Je.: *Sovremennyj russkij orfografičeskij slovar'*. Char'kov: Izdatel'stvo «Ranok», 2006, s. 461.

лексикографических источников. Это связано с тем, что слово *олимпиада* расширило лексическое значение и относится не только к Олимпийским играм.

В неполных парадигмах глаголов обращает на себя внимание отсутствие формы первого лица единственного числа будущего времени у глаголов *победить, убедить, завьюжить, запуржить, задождить, пылесосить*. Хотя некоторые аналоги глаголов украинского языка имеют параллельные формы: укр. *перемогти* — *переможу*. Сравнения с украинским языком способны дать объяснения на морфонологическом подуровне языковой системы, связанные с фонологическими особенностями русского языка и накладываемыми фонетическими ограничениями на грамматику.

Отсутствие определенных форм глагола в словоизменительной парадигме является отражением структуры только литературного языка, в ненормированной речи «пустые» ячейки довольно часто заполняются. Также использование «несуществующих» форм можно наблюдать в художественном дискурсе с целью создания комического эффекта.

Приведем некоторые примеры глаголов, не имеющих корреляционных пар по определенному грамматическому признаку: *несдобровать* (есть только форма инфинитива); *неймется* (нет форм инфинитива и личных форм настоящего, прошедшего и будущего времени); *объять* (отсутствуют личные формы настоящего и будущего времени).

Пустые клетки или ниши демонстрируют своеобразие системности того или иного языка (в данном случае — русского), показывают соотношение нормированных и некодифицированных образований. Однако исследования таких неоднозначных явлений в языке носят функционально-дескриптивный характер, не затрагивающий этимологические, культурологические основы и социальные предпосылки их существования, что принадлежит к сфере когнитивной лингвистики и является актуальным сегодня. Интерес к исследованию дефектных парадигм поддерживается и западными лингвистами, о чем свидетельствует научная литература по данной проблематике. Например, в книге «Defective paradigms. Missing forms and what they tell us», авторами которой являются Мэтью Баерман, Гревилл Дж. Корбетт, Дунстан Браун и другие ученые¹⁰, представлен анализ «дефектных» парадигм субстантивов, адъективов и глаголов, включая причастие.

Появление морфонологии как отрасли языкознания, предметом которой явилось морфологическое использование фонологических особенностей, дало толчок и к развитию дериватологии. Необходимо обратить внимание на то, что

10 BAERMAN, M., CORBETT, G., BROWN, D.: *Defective paradigms. Missing forms and what they tell us*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.

с понятием «отсутствие» неразрывно связанным становится изучение понятия нулевой морфемы, определение ее статуса, ее роли в словообразовании.

В лингвистической литературе научно обосновано наличие нулевого суффикса как словообразовательной морфемы имени существительного и прилагательного, рассмотрен вопрос генезиса нулевого суффикса, определены критерии выделения указанного словообразовательного аффикса. Учение И. А. Бодуэна де Куртенэ о нулевой морфеме получило дальнейшее развитие и вошло в сферу научных интересов современных языковедов¹¹. Следует отметить, что не все филологи разделяют эту точку зрения, и лингвистическая литература содержит изложение разных подходов к определению данной морфемы¹².

Проблем нулевой аффиксации неоднократно касался В. В. Лопатин, обстоятельно описав основные вопросы морфемики, морфонологии, словообразования и морфологии. Анализируя в функциональном аспекте словообразовательные парадигмы субстантивов и адъективов, лингвист противопоставляет словообразовательные типы с наличием и отсутствием аффиксального элемента. Отсутствующий формант при этом реально значим: в нем заключено словообразовательное значение, а также он является показателем грамматического значения. Например, слово *синь* представляет тип субстантива, мотивированного адъективом, со значением отвлеченного признака, выраженного отсутствием суффикса. Именно поэтому, по мнению В. В. Лопатина, «наиболее точным и последовательным решением вопроса нам представляется признание того, что в «безаффиксных» типах носителем словообразовательного значения является нулевой аффикс, т. е. значимое отсутствие аффикса в основе»¹³. Рассматриваемый способ деривации был отнесен к нулевой аффиксации именного словообразования. Помимо материально не выраженных постпозитивных словообразовательных средств были рассмотрены продуктивные словообразовательные типы имен прилагательных с префиксом *без-* и нулевым суффиксом (*бескрылый*), имен существительных III скл. с префиксом *про-* и нулевым суффиксом (*проседь*), имен существительных I скл., мотивированных глаголами без префикса, хотя основа субстантива включает префикс и нулевой суффикс (*побега*); имен существительных, мотивированных существительными,

11 BĬLOUSENKO, P.: *Īstorija sufiksāl'noji systemy ukrajins'koho ĩmennyka (nazvy osib ĉoloviĉoho rodu): monohrafija*. Kyjiv. Vyd-vo Kyjivs'koho deržavnoho pedahohiĉnoho ĩn-tu, 1993; ZEMSKAJA, Je.: *Jazyk kak dejatel'nost': Morfema. Slovo. Reĉ'*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004.

12 TERKULOV, V.: *Periferijnaja indul'gencija: glavnyj mif lingvistiĉeskoj metodologii*. Mova ĩ kul'tura, 2011, vyp. 14, T. III (149), s. 142–149.

13 LOPATIN, V.: *Mnogogrannoje rusškoje slovo: Izbrannyje stat'ji po ruskomu jazyku*. Moskva. Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2007, s. 79.

производная основа которых содержит префикс и нулевой суффикс (*бессонь*). Последний тип широко представлен в диалектной речи.

В статье «Словоизменительные типы и их лексическое наполнение (продуктивность в морфологии)» В. В. Лопатин касается проблемы взаимодействия грамматики с лексикой, которую связывает с лексическими ограничениями, присущими грамматическим моделям. На основе анализа парадигмы субстантивов языковед высказывает мысль о том, что «словоизменительный тип одушевленных существительных III скл. жен. рода пополняется лишь семантическим путем — в результате развития у редких существительных с суфф. *-ость* и нулевым значением лица: *знаменитость, индивидуальность, бездарность, бездарь* и т. п.»¹⁴.

По мнению В. В. Лопатина, грамматика тесно связана и с фонетикой: «Формальным запретом на образование форм компаратива у прилагательных с нулевым суффиксом является конечная заднеязычная согласная основы (*длинноногий, короткорукый, криворогий*)»¹⁵.

На основе уточненного лингвистом термина *словообразовательный тип* были рассмотрены бинарные оппозиции в парадигме субстантивов и адъективов. К особым словообразовательным типам отнесены имена существительные: одушевленные и неодушевленные, *pluralia* и *singularia tantum*, склоняемые и несклоняемые (нулевое склонение). Как отдельные словообразовательные типы представлены имена прилагательные адъективного склонения, имеющие только полные формы или только краткие формы. Переходные и непереходные глаголы с различным составом причастных и деепричастных форм, личные и безличные глаголы также являются разными словообразовательными типами. Данные словообразовательные типы выделены на основании отсутствия тех или иных форм и потенциальной возможности их образования.

Выдвинутые в указанных работах важные для современной лингвистики идеи требуют дальнейшего развития в связи антропоцентрической ориентацией современного языкознания. Рассматривая лексическую вариативность и словообразовательную синонимию, языковед приводит интересные примеры: субстантив *безголосица* может быть как суффиксальным образованием от адъектива *безголосый* или префиксально-суффиксальным от субстантива *голос*¹⁶. Указанные варианты могут быть выявлены в различных дискурсах в зависимости от прагматической установки и иметь неоднозначные интерпретации. Несмотря на то, что глубинные структуры естественных языков являются

14 Там же, с. 534.

15 Там же, с. 534–535.

16 Там же, с. 63.

изоморфными по форме и логической сущности, процессы трансформации и деконструкции способны обновлять концептуальное ядро.

Продуктивный способ образования прилагательных с префиксом *без-* и нулевым суффиксом достаточно широко освещен в работах украинских лингвистов¹⁷. И это не случайно, поскольку в обоих языках номинации, мотивированные субстантивами со значением части тела живого существа или какого-либо его неотъемлемого свойства, реже — какой-либо составной части другого предмета, имеют соотносительные пары. Например: русск. *безбородый* — укр. *безбородий*, русск. *бесхвостый* — укр. *безхвостий*. Мы можем наблюдать как формальный параллелизм, так и функциональную тождественность приведенных примеров. Бесспорно, что таких примеров можно привести большое количество, поскольку их наличие обусловлено контактированием носителей генетически близких языков, и, как следствие, взаимовлиянием одного языка на другой. Однако существуют и лексемы несовпадающие, имеющие различия в семантике, несмотря на формальное сходство. Например, русск. *безлесный* является абсолютным синонимом *безлесый* и соответствует укр. *безлісий*, украинское же слово *безлісний* имеет второе значение: 'предмет, для изготовления которого не требуется дерево, лес'¹⁸. Отсутствие совпадений как раз и остается малоизученным в когнитивном аспекте.

Предметом словообразования является не только образование слов на основе морфем, словообразовательных моделей, но и производящих основ и производных от них слов. Сопоставление производных у омонимов также связано с понятием «отсутствие». Например, отсутствие производных у одного из слов: от субстантива *струна* ('в музыкальных инструментах') образуется адъектив *струнный*, у субстантива *струна* ('нить, бечева, ремень, упруго натянутые на что-либо') отсутствует корреляционный адъектив. Аналогичный пример с омонимами *свет* ('земля, земной шар') и *свет* ('ограниченный круг людей, высший слой буржуазно-дворянского общества'). Первый субстантив не образует адъектива, а второй имеет деривационный адъектив *светский*.

Возможность описания семантики слова на лексико-семантическом уровне языковой системы во многом опирается на словообразовательный потенциал языковой системы. Лингвист В. П. Мусиенко, исследуя функционально-семантическую категорию меры в русском языке, обращает внимание на отсутствие

17 BİLOUSENKO, P.: *İstorija sufiksals'noji systemy ukrajins'koho ĩmennyka (nazvy osib ėoloviėoho rodu): monohrafija*. Kyjiv. Vyd-vo Kyjivs'koho deržavnoho pedahohiėnoho in-tu, 1993; NEVİDOMS'KA, L.: *İmplycytnist': movnosystemnyj aspekt*: monohrafija. Ĉharkiv: Ranok-NT, 2012.

18 *Slovnnyk ukrajins'koho movy. Tomy 1–9. (A–NASTŪKUVATY)*. Ukrajins'kyj movno-informacijnyj fond NAN Ukrajinu. <<http://services.ulif.org.ua/expl/Entry/index?wordid=3307&>>. [online]. [cit. 24. 2. 2019].

положительных дериватов при наличии отрицательных среди адъективов с суффиксом *-оват-*: в русском языке не существуют пары *слабоватый* — «*сильноватый*», *глуповатый* — «*умноватый*», *скучноватый* — «*веселоватый*», *трусоватый* — «*смеловатый*», *дороговатый* — «*дешеватый*»¹⁹. В упомянутом автографическом источнике содержится параграф «Негация как способ выражения меры признака», в котором аффиксальные способы отрицания в русском языке связываются с функционированием префиксов *не-*, *без-*, *обез-*, *ни-*, *а-*, *анти-*, *им-*, *ир-*, *дис-*. Особая роль отводится префиксу *не-*, имеющему несколько значений, в том числе и выражение отсутствия признака. Приводятся ссылки на словари, в которых слова *необоснованность*, *необитаемость*, *неприятель*, *неискренний*, *немузыкальный*, *ненаучный*, *нечестный* даны с толкованием через отсутствие признака. К аналогичным примерам отнесены и слова с префиксом *без-* *безногий*, *безработный*, *безветрие*, *безлесье*²⁰. Данные примеры рассмотрены в монографии в функционально-прагматическом аспекте в отношении к языковой норме, но не дано объяснение, почему категория меры признака имела именно такой механизм развития в языковой системе.

Несмотря на то, что лексико-семантический ярус языковой системы отличается многомерностью структуры, разнообразием и непостоянным количеством языковых единиц, непосредственно связанных с объективной действительностью, изучение данной подсистемы языка также построено на существовании оппозиций. Противопоставление проявляется не только в антонимии, а и в синонимии, омонимии, гипонимии, полисемии и в других лексико-семантических парадигмах. Описание лексико-семантических элементов хотя и основано на взаимодополнении или взаимоисключении по признаку *наличие* или *отсутствие* общих сем в значении слова, ни одна парадигма не рассматривалась с помощью понятия «отсутствие». Как в русском, так и в украинском языках есть слова, семантика которых непосредственно связана с понятием «отсутствие», но их толкование не опирается на данное понятие. Например, к описанной группе лексики относятся отрицательные (русск. *никто*, *ничто*, *некого*, *ничего*, *никакой*, *ничей*; укр. *ніхто*, *нічий*, *ніскільки*) и неопределенные местоимения (русск. *некто*, *нечто*, *некоторый*, *некий*, *несколько*, *кое-кто*, *кое-что*, *кто-то*, *что-то*, *какой-нибудь*, *кто-либо*; укр. *хтось*, *дехто*, *хто-небудь*, *що-небудь*, *будь-хто*, *абихто*, *казна-що*, *хтозна-що*, *бозна-що*, *бозна-хто*, *бозна-де*, *дещо*, *щось*, *хтозна-який*). Приведенный иллюстративный пример наглядно демонстрирует то, что, во-первых, неопределенные местоимения образованы не

19 MUSIJENKO, V.: *Funkcional'no-semantičeskaja kategorija mery v russkom jazyke*: monografija. Moskva, 1997, s. 37.

20 Там же, с. 128.

только с помощью семантизированного префикса *не-*, но и другими способами, в отличие от отрицательных местоимений, а, во-вторых, в украинском языке местоимений со значением неопределенности больше, чем в русском языке, и они стилистически неоднородны. Приведенные языковые факты выявляют этноспецифические особенности русского и украинского языков.

В словарном составе русского языка помимо этнических лакун выявляются и иные «пустые» клетки. М. А. Кронгауз неоднократно возвращался к вопросу несуществующих слов, к которым относил потенциальные слова и окказионализмы, не вошедшие в словари, а существующие только в дискурсе²¹. Обращаясь к языковому материалу современной прозы, М. А. Кронгауз находит множество примеров приставочных глаголов с несуществующими корнями, не зафиксированными в словарях морфем. Анализируя глаголы *отволохаем*, *упупил*, *втюриться*, *стибрить*, *прочкнуть*, *сбондила*, *запузырить*, ученый приходит к выводу о том, что, хотя у глаголов отсутствует семантическая связь с существующим в языке корнем, они реально мотивированы префиксом и образованы по соответствующей словообразовательной модели.

Лингвист называет основы таких слов «языковыми джокерами». Этот термин был введен в науку немецким языковедом Й. Реке для подобных глаголов. М. А. Кронгауз пишет: «Действительно, функционально карточный джокер близок к основам этих типов: изначально и по определению пустой, он получает конкретное наполнение в конкретном употреблении. Так же и эти основы, семантически пустые, «наполняются» определенным значением, втягиваясь в приставочную модель»²². В заключении лингвист отмечает, что префикс может формировать семантику и приставочного глагола, и смысл целого высказывания. Данная проблема (существование «несуществующих» слов, онтологический статус таких слов) не имеет четкого научного обоснования.

Слова, ставшие предметом анализа М. А. Кронгауза, не зафиксированы в словарях русского языка. Обращение к созданным национальным корпусам русского и украинского языков с помощью компьютерных программ позволяет быстро найти не только разностороннюю лингвистическую информацию о слове, но и увидеть примеры его использования в дискурсе. Такой подход позволяет в короткое время собрать максимум информации о слове, поскольку не требует обращения к нескольким лексикографическим источникам, которые

21 KRONGAUZ, M.: *Nesušestvovanje slova kak problema*. In: NARIN'JANI, A. S. (red.): *Trudy meždunarodnogo seminara «Dialog 98» po komp'juternoj lingvistike i jeje priloženijam*. T. 1. Kazan': OOO «Chèter», 1998, s. 74–81.; KRONGAUZ, M.: *Slovo za slovo: o jazyke i ne tol'ko*. Moskva. Izdatel'skij dom «Delo» RANChiGS, 2016.

22 KRONGAUZ, M.: *Slovo za slovo: o jazyke i ne tol'ko*. Moskva. Izdatel'skij dom «Delo» RANChiGS, 2016, s. 119.

в книжном варианте всегда отстают от речевой практики говорящих. Использование инновационных методов языкового анализа открывает новые горизонты для изучения языковых элементов в когнитивном плане, например, составление когнитивных карт. И в этом плане достаточно широко представлено описание фразеологических единиц.

Интенсивное изучение фразеологизмов связано с активным исследованием концептов, поскольку фразеологизмы отражают национально-языковое своеобразие, национальный колорит языка, антропоцентричны по своей сущности. Привлечение методов фразеологического и семного анализа в исследовании парадигматики фразеологизмов способствовало изучению концептов на основе *наличия* или *отсутствия* определенных понятийных признаков. Исследование вербализации таких концептов, как ОТРИЦАНИЕ, ПУСТОТА, МОЛЧАНИЕ, непосредственно связано с понятием «отсутствие», хотя об этом в работах не указывается²³. Отдельно концепт ОТСУТСТВИЕ не выделялся и не описывался лингвистами, хотя понятие «отсутствие» активно привлекалось при описании многих концептов и анализе фразеологического фонда русского и других языков. Фразеологический ярус языковой системы, являясь связующим звеном между лексико-семантическим и синтаксическим стратумами языка, также недостаточно исследован в аспекте маркированности и оппозиции с помощью понятия «отсутствие».

Не вызывает сомнений то, что парадигматические отношения как составляющая структурной организации синтаксиса построены на основе противопоставления по *наличию* или *отсутствию* одного из главных членов предложения, второстепенных членов предложения, однородных или обособленных членов предложения, а в сложном предложении еще и по *наличию* или *отсутствию* союзов. Хотя вопрос парадигматики предложения не находит однозначного понимания среди лингвистов, понятие парадигматики предложения широко используется как в конструктивном, так и в коммуникативном синтаксисе. Как правило, парадигматический подход применяется в изучении простого предложения.

В работе З. Д. Поповой, посвященной проблеме структуры славянского простого предложения, в свете когнитивной лингвистики представлено разграничение глубинных и поверхностных структур простого предложения

23 BOLDYREV, N.: *Otricanije kak modusno-ocenočnyj koncept*. In: PROCHOROVA, O. N. (red.): *Jedinstvo sistemnogo i funkcional'nogo analiza jazykovykh jedinic: materialy region. nauč. konf. Vyp. 7, Č. I. Belgorod, 2003, s. 4–5.*; BOBRYŠEVA, I.: *Frazeologizmy kak reprezentanty koncepta «pustota» v idiolekte (materialy k slovarju jazyka M. I. Cvetajevoj)*. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2011, № 3 (33), s. 740–744; KOLOVOROTNA, N.: *Verbalizacija konceptu «movčannja» v chudožn'omu dyskursyvnomu prostori ukrajins'koji movy*: Avtor. dys. kand. filol. nauk. Charkiv, 2014.

по наличию или отсутствию одного компонента. Анализируя синтаксические концепты, языковед выделяет в ядре поля синтаксической структуры простого предложения парцеллу (сектор) «небытие объекта». З. Д. Попова пишет, что «небытие объекта» получило свой синтаксический концепт в общеславянский период. Объект, которого нет в данном месте или нет вообще «в мире», славяне маркируют родительным падежом: *кого/чего нет где, кто не делает чего*. В других индоевропейских языках такого синтаксического концепта нет, отсутствие объекта обозначается лексически с помощью отрицания²⁴. Речевые реализации данного концепта являются регулярными, поскольку структура простого предложения с отсутствием объекта является коммуникативно востребованной. При необходимости высказывание с уже имеющимся обозначением отсутствия с помощью предиката *нет* и отрицательной частицы *не* может усиливаться отрицательным местоимением *ничего*.

Наметившиеся новые тенденции на современном этапе изучения синтаксиса от формы к содержанию (семантический синтаксис), выход в сферу дискурса (коммуникативное направление), изучение интерпретационных смыслов (прагматика) позволят расширить представление о понятии «отсутствие» на синтаксическом ярусе языковой системы в когнитивном плане.

Таким образом, на всех уровнях языковой системы прослеживается обращение к понятию «отсутствие», однако такое обращение является фрагментарным и часто механически заменяется понятием «отрицание». Поскольку *отрицание* не выступает в роли оппозиита *наличию*, а система оппозиций построена в соотносительных координатах по *наличию* или *отсутствию* хотя бы одного из признаков описываемого элемента языковой системы, мы склоняемся к мысли отдать приоритет именно понятию «отсутствие» и при синхронном, и при диахроническом исследовании языковых фактов языка в когнитивном аспекте. Поскольку языковая система является гетерогенной, то и понятие «отсутствие» не может быть репрезентовано однородными элементами. Опора на понятие «отсутствие» предполагает комплексный подход к описанию структуры системы языка, которая, с одной стороны, может быть представлена в парадигматике и синтагматике, а, с другой стороны, в иерархических и деривационных отношениях. Обращение к понятию «отсутствие» при исследовании языковых единиц разных стратумов языковой системы позволяет выявить и обозначить специфические черты русского языка.

24 POPOVA, Z.: *Sistemnyje otnošenija strukturnych schem russkogo prostogo predloženiya*. Južnoslovenski filolog, 2008, № LXIV, s. 334.

Библиография:

- BAERMAN, M., CORBETT, G., BROWN, D.: *Defective paradigms. Missing forms and what they tell us*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- BÎLOUSENKO, P.: *Īstorija sufiksals'noji systemy ukrajins'koho imennyka (nazvy osib ĉoloviĉoho rodu): monohrafija*. Kyjiv. Vyd-vo Kyjivs'koho derŹavnoho pedahohiĉnoho in-tu, 1993.
- BOBRYŠEVA, I.: *Frazeologizmy kak reprezentanty koncepta «pustota» v idiolekte (materialy k slovarju jazyka M. I. Cvetajevoj)*. Problemy istorii, filologii, kul'tury, 2011, № 3 (33), s. 740–744.
- BOGUČKAJA, N., NASEKA, A.: *Katalog besĉeljustnykh i ryb presnykh i solonovatykh vod Rossii s nomenklaturnymi i taksonomiĉeskim kommentarijami*. Moskva: Tovarišĉestvo nauĉnykh izdaniĉ KMK, 2004.
- BOLDYREV, N.: *Otricanije kak modusno-ocenoĉnyĉ koncept*. In: PROCHOROVA, O. N. (red.): *Jedinstvo sistemnogo i funkcional'nogo analiza jazykovykh jedinic: materialy region. nauĉ. konf. Vyp. 7, Ć. I. Belgorod*, 2003.
- DEŠEULINA, L.: *Defektnyje paradigmy sklonenija sušĉestvitel'nykh v sovremennom ruskom jazyke*: Diss. kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2009.
- GLEBKIN, V.: *Smena paradigm v lingvistiĉeskoj semantike: ot izoljacionizma k socio-kul'turnym modeljam*. Moskva–Sankt-Peterburg: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2014.
- GURIN, G.: *Glagoly s nepolnoj liĉnoj paradigmoj v sovremennom ruskom literaturnom jazyke: na materiale slovarnej*: Diss. kand. filol. nauk. Petrozavodsk, 2000.
- KARASIK, V.: *Jazykovaja matrica kul'tury*. Moskva: Gnozis, 2013.
- KARAULOV, Ju.: *Lingvistiĉeskoje konstruirovanije i tezaurs literaturnogo jazyka*. Moskva: Nauka, 1981.
- KIBRIK, A.: *Kognitivnyĉ podchod k jazyku*. In: *Jazyk i mysl': Sovremennaja kognitivnaja lingvistika*. Moskva, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015.
- KOLOVOROTNA, N.: *Verbalizacija konceptu «movĉannja» v chudoŹn'omu dyskursyvnomu prostori ukrajins'koi movy*: Avtor. dys. kand. filol. nauk. Ćarkiv, 2014.
- KRONGAUZ, M.: *Nesušĉestvovanije slova kak problema*. In: NARIN'JANI, A. S. (red.): *Trudy meŹdunarodnogo seminaru «Dialog 98» po komp'juternoj lingvistike i jeje prilozhenijam. T. 1. Kazan'*: OOO «Ćĉĕter», 1998.
- KRONGAUZ, M.: *Slovo za slovo: o jazyke i ne tol'ko*. Moskva. Izdatel'skij dom «Delo» RANCHiGS, 2016.
- LINBERG, G.: *Slovar' nazvanij morskich promyslovykh ryb mirovoj fauny*. Leningrad: Nauka, 1980.
- LOPATIN, V.: *Mnogogrannoje ruskoje slovo: Izbrannyje stat'ji po ruskomu jazyku*. Moskva. Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2007.

- MUSIJENKO, V.: *Funkcional'no-semantičeskaja kategorija mery v rusском jazyke: monografija*. Moskva, 1997.
- NEVIDOMS'KA, L.: *Īmplicytnist': movnosystemnyj aspekt: monohrafija*. Charkiv: Ranok-NT, 2012.
- OŽEGOV, S.: *Slovar' russkogo jazyka*. Pod red. čl.-korr. AN SSSR N. Ju. Švedovoj. 19-je izd., ispr. Moskva. Russkij jazyk 1987.
- PALATOVSKAJA, Je.: *Sovremennyj russkij orfografičeskij slovar'*. Char'kov: Izdatel'stvo «Ranok», 2006.
- POPOVA, Z.: *Sistemnyje otnošenija strukturnych schem russkogo prostogo predloženiya*. Južnoslovenski filolog, 2008, № LXIV.
- REŠETNIKOV, Ju., KOTLJAR, A., RASS, T., ŠATUNOVSKIJ, M.: *Pjatijazyčnyj slovar' nazvanij životnych. Ryby*. Moskva: Russkij jazyk, 1989.
- RUDJAKOV, A.: *Funkcional'naja lingvistika. Georusistika. Lingvodidaktika: sbornik naučnyh rabot, posvjaščennyj jubileju A. N. Rudjakova*. Moskva, Azbukovnik, 2015. *Slovyk ukrajins'koji movy. Tomy 1–9. (A–NASTÚKUVATY)*. Ukrajins'kyj movno-informacijnyj fond NAN Ukrainy. <<http://services.ulif.org.ua/expl/Entry/index?wordid=3307&>>. [online]. [cit. 24. 2. 2019].
- TERKULOV, V.: *Periferijnaja indul'gencija: glavnyj mif lingvističeskoj metodologii*. Mova i kul'tura, 2011, vyp. 14, T. III (149).
- ZEMSKAJA, Je.: *Jazyk kak dejatel'nost': Morfema. Slovo. Reč'*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004.

About the author

Olga Vyacheslavovna Radchuk

H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, Faculty of Slavonic Languages, Department of Slavonic Languages, Kharkiv, Ukraine
radchuk.o.v@ukr.net

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>>). This does not apply to works or elements (such as images or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.

